

своего выражения определения *великий*: из нейтральной характеристики гений превращается в исключительную черту, свойственную очень немногим личностям. Если для немцев и французов главным в природе «гения» становится «некий пророческий тип мышления» (Д. Дидро), «великий дух» (Гете), то в русском сознании «гений» — созидательная сила человеческого воображения, венчающая чрезвычайную способность: «гений — парадоксов друг» (А. С. Пушкин).

Глубинный анализ культурного контекста, в котором вызревает феномен Пушкина, не только приближает нас к объективному раскрытию специфики его творчества, но ведет к мотивированному объяснению важнейшего национального концепта — «русский гений».

О. А. Маркасова

Новосибирский государственный педагогический университет

ПРОЯВЛЕНИЕ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ В ГРУППЕ РЕЧЕВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Современная лингвистика в последние десятилетия внесла в число актуальных проблем исследование прагматического потенциала диалогических единств или изолированных конструкций с прямой речью (КПР).

КПР представляются в научной литературе как двухчастная конструкция, состоящая из реплики и авторской группы речевого сопровождения (ГРС), эта бинарность очевидна из специфического оформления данной синтаксической единицы. Каждая из составляющих таких конструкций может являться отдельным объектом лингвистического изучения, так как неоднородна, многоаспектна.

Так, ГРС несут комплексы смыслов, выражающих информацию о персонажах художественного текста. Это объективная часть высказывания — диктум. Но кроме того, для ГРС характерен и ряд модусных категорий (субъективный компонент смысла). В норме модус имплицитен, как и в других нормативных высказываниях, эксплицируется же в следующих же в следующих категориях модуса.

I. Метакатегории.

1. **Смысл коммуникативных намерений.** смысл говорения, как правило, берет на себя автор. Он может констатировать процесс речи персонажа или комментировать его. Существуют исключения, когда смысл коммуникативных намерений ненормативно эксплицируется в реплике.

2. **Мотивированность.** Автор может указывать на обязательность, заданность реплики персонажа: *На это она не могла не ответить: Буду ждать* (Д. Котов).

3. Смысл речевого жанра. В ГРС может быть представлена словоформа, обозначающая жанр, дающая ему «имя»: — *А мы вас уже заждались, — приветствовала их Ирина...* (М. Наумов).

Жанровые ограничения выражаются и косвенно: — *...А вы не хотите мне что-нибудь еще сообщить, миссис? — Что угодно, кроме своего возраста, — улыбнулась она.* (Р. Макдональд).

В последнем случае ГРС выполняет следующую задачу («Как связующее звено» между репликами коммуникантов): выражает реакцию на предстоящую беседу и приятного собеседника, а также установление рамок официальной беседы, то есть ГРС в сочетании с репликой функционируют в «режиме запрета».

Речевые жанры, презентация которых осуществляется в ГРС, имеют дифференцированное оформление. Например, в «межпозиции» наиболее частотна актуализация жанров запрета, угрозы, поощрения.

II. Актуализационные категории.

Проявляются в синтаксическом времени, в реальности/ирреальности действия (автор утверждает очевидность или предполагает должествование факта, отмеченного в реплике героя). Но самой яркой категорией данного типа, организующей наряду с другими языковыми и речевыми единицами авторскую «партию» в полифонии художественного целого, является категория лица, так как авторская конструкция сама является «блуждающим значением предикативности» («я-высказывание» или «мы-высказывание» меняет точку отсчета в дейксисе текста, перераспределяет смысловые нагрузки между репликой и ГРС, перемещает автора, перевоплощая его то в наблюдателя, то в рассказчика и пр.).

III. Квалификативные категории.

1. Авторизация. Это категория, обусловленная самими задачами прямой речи. Автор дает четкую ролевую организацию текста, где маркируется любое неавторское высказывание, рожденное в «языковой игре».

2. Персуазивность. Субъективность в оценке события в целом или достоверности реплики может быть вербализована в словах автора при помощи модальных слов (*может быть, вероятно, конечно, кажется* и т. д.), а также путем выбора наиболее точного в семантическом плане глагольного ядра ГРС (см.: *сказал, утверждал, предполагал* и пр.).

IV. Социальные категории.

Автор, организуя ролевые отношения героев-собеседников в художественном тексте, демонстрирует социальный или личностный уровень собеседников:

↓ *...Обе [женщины] враз зарычали на Гуляева: — Чего вам?*

↑ — Мне бы елку... — начал Гуляев, с ненавистью в себе ощущая, как неотвратно сползает на жалостно-молящее виноватое поскуливание, — елочку бы мне... (М. Наумов).

Писатель выбирает из широкого спектра глагольной лексики такой языковой знак, с помощью которого можно маркировать социальный статус каждого из коммуникантов. Социальное неравенство, отражаемое в тексте, базируется на экстралингвистических факторах установления взаимоотношений людей. В текстовом воплощении проявляются градуальные оппозиции («свой-чужой», возрастная дифференциация коммуникантов, официальные отношения, половые различия. При этом учитываются этикетные нормы в рамках определенной культурной традиции, среды. Это также находит свое воплощение в «строительстве» ГРС.

Типология модусных категорий, воплощенных в ГРС, не должна рассматриваться как закрытая структура. Глубинность конструкций с точки зрения субъективной стороны высказывания сегодня очевидна, поэтому модусный анализ ГРС — шаг к полному описанию позиции автора в КПП и целом тексте.

В. А. Мишланов

Пермский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОЙ МОТИВАЦИИ СЛОВА

Всякое новое слово семантически мотивировано (обозначает некоторую идею и своей внешней формой отражает связь со значением исходных слов), при этом, как правило, оно появляется в результате выбора из многих «поэтических» альтернатив, данных в конкретно-чувственных образах предмета (этот выбор определяется как «первоначальное впечатление», «внутренняя форма слова»).

В некоторых случаях мы можем говорить не только о поэтическом, но и о нравственном выборе, о нравственной мотивации слова. Ясно, что связь некоторого языкового выражения с первоначальными представлениями о добре и зле может быть обнаружена только у слов духовной (ментальной) семантической сферы.

Фонетические и семантические изменения, взаимодействие и слияние культур, известная унификация форм духовной деятельности приводят к коренным изменениям в соотношении членораздельного звука и смысла. Тем не менее сравнительные этимологические исследования, ведущиеся давно и достаточно успешно, дают богатейший материал для изучения процессов интеллектуальной и языковой эволюции и реконструкции духовного мира древних этносов.

Поясним сказанное на примере таких альтернативных языковых